

Александр Янин

"Несерьёзные отношения"

Рассказы

Александр Александрович Янин

Несерьёзные отношения.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30087870

SelfPub; 2018

Аннотация

Герои рассказов – обычные люди. В их судьбах нет ничего примечательного, особенного. Но, это лишь на первый взгляд. Ведь каждый человек – отдельный, уникальный мир, постигая который, постигаешь и себя самого.

Содержание

Мать и сын	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мать и сын

Дима смотрел сквозь перепачканное стекло тамбура на старые граффити, которые пестрыми очертаниями растянулись по бетонным заборам вдоль железной дороги. Вагоны медленно покачивались, пахло жженой резиной и мочой. Вскоре электричка выползла из города и стала набирать скорость. В одном из вагонов показались кондукторы. Дима по инерции дернулся от них в противоположную сторону, но потом остановился. Он достал билет и очень внимательно его рассмотрел. Раньше, во время учебы в институте, когда матери приходилось сдавать их старенькую квартиру в центре Москвы и жить в дачном посёлке, он и не знал, сколько стоят талоны и в каком окошке кассы они продаются. Бежать от вечно хмурых и замученных людей в униформе, из маленьких сумок которых торчали рулоны штрафных бланков, было обычным делом. Чего только они с приятелями не придумывали – перемахивать через высокие заборы, пролезать под платформой, успевать перемещаться меньше, чем за минуту, из первого вагона в последний. И почти всегда они выходили победителями. Единственный раз, когда его высадили за безбилетный проезд – последний выпускной экзамен. Тогда он немного перебрал красного полусладкого, и вся прыть улетучилась. Кондуктор злорадствовал и наслаждался победой. Диме пришлось пешком тащиться девять

километров.

Людей на платформе почти не было. Дима спустился по ступенькам и, не реагируя на громкие и назойливые призывы таксистов, поспешил к посёлку. Дачное товарищество находилось недалеко от Одинцова. Еще несколько лет назад посёлок окружали лесные чащи и редкие хозяйственные постройки. Но, как грибы после сентябрьского дождя, незаметно и резко, выросли новые микрорайоны с могучими монолитными домами и большой наземной организованной парковкой. Старенькие неказистые домишки посёлка под романтическим названием – «Тёмные аллеи», совсем приуныли и будто бы извинялись за своё невольное присутствие.

Дима обогнул шлагбаум. Сморщенный, как изюм, но еще далеко не старый охранник, что-то буркнул себе под нос.

– Свои, – отрезал Дима.

Но охраннику было не до того. Он всё продолжал шевелить губами и недовольно покачивать головой.

Лида встретила сына долгим объятием. Незаметно и тихо всплакнула, чтобы Дима не заметил. Он этого не любил.

– Обещал же в восемь, сынок!

– Задержали, а потом не успел на семь-сорок пять. Пришлось ждать на восемь – тридцать.

Дима скинул куртку на маленькую табуретку возле двери и плюхнулся на стул. Мать засуетилась у плиты. В доме было всего две комнаты. Одна выполняла роль гостиной и кухни, а в другой была спальня. Душ и туалет находились на втором

этаже, где жила Маша, Лидина двоюродная сестра, но они друг с другом почти не общались. Вечные жилищные вопросы оставили свой глубокий след на непрочных родственных отношениях. В доме было уютно и светло, вещи аккуратно расставлены, книги на единственной полке были сложены по цвету корешков.

– Сейчас, сынок, как раз макароны отварила. И мясо по-французски сегодня было. Я не пробовала, но девчонки говорят, что вкусное.

Дима принялся смачно жевать длинные макароны и с усилием пилить кусок мяса под майонезным слоем. Лидия Витальевна села напротив, подставила руки под голову и наблюдала за движениями сына. Глаза её постоянно блестели от слёз. С той поры, как Дима устроился на работу и сделал ремонт в их квартире, она почувствовала себя ненужной и одинокой. Хотя, похожее чувство не покидало её с того дня, как погиб муж. Он был пожарным. Тот вечер она запомнила навсегда. Виктор вынес много людей из горящего дома, но сам выйти не успел. Огромная балка ударила его по голове, и он потерял сознание. Похороны были торжественными. Большая пожарная машина с фотографией Виктора на капоте и траурными лентами медленно ехала через весь центр города в сторону кладбища. Сотрудники ГАИ, что попадались на пути, отдавали честь. Сослуживцы были облачены в нарядную парадную форму, как с иголки выглаженную и не застиранную. Начальник пожарной охраны произносил речь

и давился слезами, делая вид, что пытается откашляться.

Семилетний Дима понял всё не сразу. Лишь на шестой день с ним случилась истерика. В школе он не появлялся почти неделю. Думали оставить его на следующий год. Но он вдруг взял себя в руки и вновь стал прилежно ходить на занятия. А Лидия Витальевна стала выпивать. По чуть-чуть, но регулярно. До сих пор не может простить себе того взгляда, которым зло, исподлобья, скрестив руки на груди, смотрел на неё маленький Дима, приходя из школы и заставляя мать с пивом или дешевым коктейлем.

– Может ещё? – забрав пустую тарелку у сына, спросила Лида.

– Нет, хватит. Мясо жесткое. Халтура.

– Да вроде брали сегодня, не жаловались, – оправдывалась Лида.

– У вас в столовке всегда всё берут. Хоть камней насыпь в тарелку. Ты ездила к врачу?

– Не успела еще...

– Начинается! Ко мне втихаря приезжать она успевает, а к врачу нет!

– Да я же там по делам была, социальную карту получала, ну и зашла заодно.

Лида не смотрела на сына. Она отвернулась и молча нарезала крошечный вафельный торт. Ей становилось не по себе всякий раз, когда Дима начинал её отчитывать.

– Наварила мне целую кастрюлю борща, я так и не доел.

Вылил! И вообще, если уж собралась приехать, позвони или напиши. Вдруг у меня дела. И не вари ты мне супов никаких. Что я, маленький? Обойдусь!

– Сынок, но ведь это и моя квартира, – взволнованно произнесла Лида и тут же об этом пожалела.

– Ну вот, начинается...

Дима встал, набросил куртку и выскочил на улицу. Прохладный мартовский ветер растрепал его густые русые волосы. Он посмотрел на горящие окна соседнего дома. Тучный мужчина трясся на беговой дорожке, вытирая мокрый от пота лоб белым полотенцем. Эта семья живет тут недавно. Купили большой участок и выстроили самый красивый и заметный дом во всём посёлке. «Наворовали и радуются!» – промелькнуло в голове у Димы. На небо выкатилась абсолютно круглая луна. Дима даже на неё смотрел с раздражением и упреком.

Дима вернулся домой. Мать сидела за столом, на котором уже были расставлены тарелки с тортом и большие белые фарфоровые кружки. Дима припомнил, что раньше их доставали только для праздничных ужинов, когда приходили гости. Он не удержался.

– Гостевые поставила. Я тебе уж как не родной, что-ли?

– Да ты что же, сынок! Старые побила половину, да и пора уже выбросить остальные. Надо бы новый сервиз купить.

Лида снова засуетилась. Она тяжело дышала, грудь интенсивно поднималась и опускалась, а с глаз не сходили преда-

тельские слёзы. Она старалась, чтобы Дима ничего не заметил.

Дима безучастно просматривал социальные сети в своем телефоне.

– Как у Маши дела? – спросила Лида, но тут же осеклась.

– Мам!

Дима отложил телефон и сделал большой глоток остывшего чая.

– Я же тебя просил! Ну сколько можно повторять! Нет больше никакой Маши. Всё! Забудь и не вспоминай её теперь. Ну почему ты опять за своё!

Лида полюбила Машу. Она была единственной из всех девушек Димы, кто ей понравился и кому она доверяла. Из хорошей семьи, училась на журналиста, была всегда очень внимательна и ласкова, и это не казалось наигранным или нарочитым. На прошлый день рождения, они с Димой подарили Лиде стиральную машину. И не просто заказали в магазине и привезли в коробке. А завернули в огромный кусок цветной бумаги и незаметно внесли в дом. После этого Лида проплакала три ночи подряд. От счастья, наверное.

– Когда же ты найдешь ту, единственную, сынок?

Дима продолжал ерепениться.

– Не начинай! Ну, блин! Опять ты со своими вопросами! Сколько можно? Как найду, узнаешь! – Дима выдохнул и переменял тон, – На днях с Колей столкнулся в метро. Сказал, что видел тебя с бутылкой вина. Опять началось?

– Коле только повод дай. Язык без костей. Я ему замечание тут сделала, он постоянно гоняет по поселку, как ненормальный. Не дай бог чего, детишки гуляют ведь, старики. Еще и дорогу портит. У его квадроцикла колёса огромные. Землю перепахивает, как трактор, не пройти потом.

– От темы уходить не надо. Вино было?

– Ой, Дима, душу ты из меня вынуть хочешь? – Лида перестала сдерживаться, – Подарок это был, на работе всем дарили, в честь праздника.

Лида резко вскочила и достала из кухонного шкафчика бутылку белого вина и с грохотом поставила на стол. Дима отвернулся. Но успел обратить внимание, что бутылка не початая.

– Почему ты со мной так? Что я тебе сделала? Виновата во многом, не права, но плохого никогда тебе не желала!

– Началось... – Дима встал и подошел к окну.

Лиду будто бы прорвало, она больше не пыталась скрывать эмоций и ничего не таила. Крупные слёзы стекали по её щекам, а руки то и дело прижимались к груди.

– Думаешь легко мне было? С маленьким ребёнком на руках в середине девяностых, когда ни денег, ни работы? А теперь вымахал и мать учит, как надо жить! Ты не заходи, ты не спрашивай, так не права, эдак не угодила! Зачем тогда вообще приехал? Похорони меня заживо, и живи спокойно! Я перед твоими приездами уже шороха каждого боюсь! Как он посмотрит, что он скажет! Голова кругом!

Лида рухнула на табуретку и окончательно разрыдалась. Она плакала так, как плачут не от душевной муки, а от сильной физической боли – надрывно, громко, до набухших жил и хрипоты.

Дима молча надел куртку. Подошел к двери и обернулся. Мать не прекращала рыдать.

– Я еще на одиннадцать-двадцать успею.

Дима вышел и тихо прикрыл дверь. Он шел до станции и не о чем не думал. Ему было тоскливо – внутри, где-то возле сердца, разливалась едкая горечь и обида. Но обида скорее на себя. В который раз встреча с матерью закончилась истерикой и его ночным возвращением в Москву.

На станции было холодно, ветрено. Несколько человек сидели на лавочке и пили пиво. Они громко смеялись и спорили о том, кто дольше протерпит и не сходит за платформу отлить.

В пустом вагоне Дима закрыл глаза и вспомнил последнюю встречу с Машей. Это был теплый зимний вечер. Они шли по парку Сокольники, с неба падали мохнатые хлопья снега. Маша говорила о том, что уходит от него, что она его разлюбила, у них разные интересы, цели в жизни, и еще она не уверена, что и ему, Диме, это очень нужно. А ей важна надежность в человеке и бытовая стабильность. Но Дима перестал слушать уже после того, как Маша произнесла слово – разлюбила. В ушах застыл странный гул, как при сотрясении мозга. Возле её подъезда на Профсоюзной улице он со-

общил о том, что и сам давно подумывал уйти. Маша улыбнулась, поцеловала его в щеку и растворилась. Перед носом Димы звучно хлопнула железная дверь, на которой трепыхалась потёртая бумажка с объявлением о продаже квартиры. Он несколько долгих минут изучал текст. Перечитывал вновь и вновь, пока дверь снова не распахнулась, и оттуда не показалась морда овчарки, а за ней и фигура крупного мужчины в спортивном костюме.

После этого вечера Дима не ночевал дома три дня. Пил и спал на раскладушке у своего друга в Медведково. Пока к тому не вернулись из Италии родители.

Объявили конечную.

Дима зашел домой и рухнул на кровать, не раздеваясь. Он долго пролежал без движений, пока не пропищал будильник на мобильном телефоне. После двух чашек кофе и горячего душа, Дима немного взбодрился и отправился на работу.

На выходные Дима уехал в Рузу, на дачу к своему приятелю. У того был большой дом и новенькая баня. Дима очень любил париться и выбегать на улицу, обтираться снегом. Когда-то, так делал его отец, когда брал его с собой в деревню к бабушке.

Дима вернулся домой в воскресенье вечером. Дома было как-то уютно и тепло. Он переоделся в домашнее, вымыл руки, обратив внимание, как хорошо пахнет из туалета. Зайдя на кухню, он увидел на плите большую алюминиевую кастрюлю. Дима открыл крышку. Это был борщ, красный,

наваристый, с кусочками мяса и лавровым листом, плавающим на поверхности, как гондола по каналам Венеции. Дима улыбнулся, достал половник и налил себе полную тарелку. Только сейчас он понял, как проголодался за последние пару дней.

Младший брат

Был поздний октябрьский вечер. Из чрева хмурого неба сыпались мелкие холодные капли. Лупоглазая морда трамвая всё никак не показывалась из-за крутого поворота улицы Кржижановского.

Шура чувствовал себя разбитым. Вторую неделю он помогал делать ремонт своему старшему брату Вале в квартире, где раньше жил их двоюродный дед. Был самый разгар отделочных работ. Белорусские строители не жалели ни себя, ни других. Были сроки и были деньги, а еще голодные родственники в Бресте. Приходилось постоянно отвозить мусор на свалку или ездить на строительные рынки за материалом, которого никогда не хватало. Шура в этот день был без машины, решил выпить разливного пива с Валею после очередных монотонных и нервных усилий.

– Ну ничего, еще тысяч двести, и будет счастье, – повторял Валя, открывая очередную литровую бутылку разливухи. До этого он говорил то о трёхстах тысячах, то пятистах, и всегда ждал какого-то счастья.

– Главное, чтобы ламинат успели положить к тому моменту, как кухню привезут.

Шура молча кивал и делал большие глотки. Помогать брату было за радость. Грустно было только возвращаться в коммунальную квартиру, в одну из больших и неудобных комнат. Из всей семьи Шура остался один, кто не решил проблем с жильем. Он не был притязательным. Будучи младшим ребенком, он не ходил в любимчиках. Да и вообще, отношения в семье были очень ровными, даже немного прохладными. Единственный принцип, которому следовали и который не обсуждался – принцип старшинства. Поэтому одежда, бытовая техника, автомобили по привычке передавались от старшего брата младшему.

Шура, как и все мужчины в роду по обеим линиям, был крепким, коренастым пареньком, без амбиций, знал, чего стоит, не мечтал о заоблачных высотах, и старался быть честным не только с окружающими, но и с самим собой. Короче говоря, был закоренелым реалистом с напускным оттенком нигилизма.

Шура и Валя были очень похожи внешне за одной только разницей – у Вали была плотная копна кудрявых волос, а Шура короткостриженный, с большими залысинами на висках.

– Потом надо сделать отдельную каморку под гардероб, в углу, где у деда банки стояли. И холодильник второй, под пиво и мясо, – Валя прикончил вторую бутылку и совсем размечтался.

– Поеду, поздно уже, – пробубнил себе под нос Шура.

Валя молча пожал руку Шуру и с грохотом закрыл за ним дорожную стальную дверь.

На улицах никого не было. Впервые за долгое время Шуру захотелось покурить. Он очень давно бросил, но мысли о сигаретах иногда появлялись сами собой. Особенно, когда его накрывала тупая и навязчивая депрессия. Он думал о своем возрасте, положении и бесперспективном будущем. Нет, жизнь была нормальная, всё, что нужно, или точнее, что ему было нужно, присутствовало. Девушка, друзья, не слишком интересная, но и не трудная работа. Он был сотрудником технического отдела в крупной финансовой компании. Всё, что от него требовалось – вовремя приходить, согласно внутреннему распорядку, и быть на короткой ноге с файловыми системами.

Девушка Маша хорошая, добрая, из обычной московской семьи. Она была проста, розовощека, очень мила и прекрасна в своей наивности. Она очень любила Шуру за его искренность, честность, хорошее чувство юмора и оригинальность. В компании друзей Шура был великолепен. Искромётные шутки, пародии, дружеская ирония и легкость на подъем. Только вот сам Шура давно перестал чувствовать эту лёгкость внутри себя. На тридцатом году жизни как будто чья-то невидимая рука убавила вокруг прежнюю яркость и резкость, как в настройках изображения телевизора. Работа казалась бессмысленной, встречи с друзьями стали сложными, прежние радости исчезли, оставив горьковатое послевкусие.

Шура частенько выпивал. Но не для веселья, как в лихие дни юности, а для очищения мозгов. Маше это не нравилось, были ссоры. Но за ними всегда следовали минуты сладкого примирения. Это продолжалось снова и снова, по кругу, так что уже оба не придавали этому никакого серьезного значения.

Трамвай всё никак не показывался. Шура решил пройтись пешком до следующей остановки. Вечер плавно перетекал в ночь. Капли дождя сменились мутноватой взвесью. Лицо и руки покрылись влажной пленкой.

Сзади послышался гул автомобиля. Затем он стал стихать. Шура посмотрел на часы. Трамвай ждать уже бесполезно. «Надо вызвать такси, пока батарейка на телефоне не села», – рассуждал про себя Шура.

– Молодой человек, я вам повторяю, остановитесь! – раздался звонкий голос из-за спины.

Шура резко обернулся. В нескольких метрах от него, на обочине, стояла полицейская машина с включенной мигалкой. Сотрудников было двое. Один облокотился на водительскую дверь, а второй стремительно надвигался на Шуру.

– Куда вы так торопитесь? Старший сержант Самохин, документы ваши предъявите, – скороговоркой отчеканил сержант, и добавил, – пожалуйста!

Голос у сержанта был писклявый и очень тонкий, как будто и не ломался вовсе. Его напарник был крупнее, мощнее, и смотрел как-то исподлобья, агрессивно.

– Да пожалуйста! – ответил Шура и принялся хлопать себя по карманам.

Но документы остались в другой одежде, дома. А сейчас он был во всём старом, к тому же весь в грязи и цементной пыли, после необъятных мешков с мусором. Для порядка он проделал процедуру с хлопками по несколько раз на каждый карман, но нигде не обнаружил никаких признаков какого-либо содержимого. Только старый трамвайный билетик.

– Проедемте с нами. Для установления личности.

Шура ни сказал ни слова. Он молча сел на заднее сидение старенького полицейского Форда рядом с сержантом Самохиным. Шура был настолько уставшим и погруженным в себя, что не сразу понял, что к нему снова обращается назойливый сотрудник патрульной службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.